

Shadow economy and corruption as a form of economic crime

Abstract: The paper deals with the study of the shadow economy, illegal enterprise and economic crime. The problem of the corruption impact and its relation to the studied phenomenon is mentioned in the article. The authors determined the economics structure in terms of its shadow and criminal components. The authors conclude that all the activities carried out in the shadow economy sector can be classified as illegal enterprise. The problem of corruption research in its legal, socio-political, socio-psychological and economic aspects and its impact on economic crime is noted in the article.

The article also shows approaches used by foreign scientists for the study of the shadow economy. The analysis of its volume, causes, such as bureaucratic over-organization, the presence of the traditions of authoritarianism, corruption relations, voluntary choice of people seeking to earn higher incomes is given in the article.

Authors conclude that the legal criteria in the economy, especially in the characteristics of the shadow economy, is the most important and the problem of minimizing the shadow economy lies in the optimization of socio-legal control. Analysis of the dynamics identified in the Russian Federation for 2005–2013 years in the economic crimes, their share in the total number of recorded crimes, the size of the financial damage allowed establishing the most common type of economic crimes - corruption. The article reveals that the development of the corruption segment of economy is directly related to the strengthening the state role in the economy and is completely destructive in terms of the possibility of redistribution of a significant share of gross domestic products through the budgets of various levels,

♦**Burov Vitaliy Yu.** - PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Crisis-Management, Finance and Credit of Zabaikal State University, director of Institute of Economics and Management of Buryat State University, Chita, Russian Federation. E-mail: burovschool@rambler.ru.

Atanov Nikolai I. - Doctor of Economics, Research Director of Institute of Economics and Management of Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: ier-bsu@mail.ru.

Andrijanov Valerij N. - PhD in Law, Associate Professor, the Chair of Constitutional and Administrative Law Department of Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: andriyanovvn@rambler.ru.

Sudakova Tatiana M. - PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Criminal Law and Criminology of Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: krime@mail.ru.

target non-budget funds etc. This situation has created the new category of abuse and dangerous series of criminal acts related to formation, distribution and redistribution of budgetary resources.

The authors conclude that the solution of the problem of minimizing the shadow economy lies in the optimization of official program documents on socio-economic, innovative development, modernization, etc., in the context of the development of sections devoted to the scientific and expert monitoring of economic crimes, criminal legal recommendations, etc.

Keywords: unofficial economy; shadow economy; economic crimes; illegal enterprise; corruption.

Процесс смены социально-экономического строя в России от государственной централизованной экономики к рыночной происходил в неадекватных экономических и правовых условиях, что вызвало активизацию экономической

преступности, целью которой является надежно скрываемое обогащение. Все это не могло не породить многообразие криминальной экономической деятельности определенной категории лиц, использующих коррупционные отношения.

В Программе противодействия преступности, осуществляемой правоохранительными органами Российской Федерации, придается большое значение борьбе с экономической преступностью, связанной с посягательством на экономические и имущественные права, имеющей высокий удельный вес в структуре преступности.

Проблему актуализируют не снижающиеся масштабы экономических преступлений, отличающихся многообразием коррупционных схем, основанных на использовании полномочий должностных лиц. Пробуксовки в динамике экономики, особенно в ее инвестиционном секторе, во многом являются следствием социально-правовых девиаций.

По данным МВД РФ, по итогам 2013 г. в России официально было выявлено 141,2 тыс. преступлений экономической направленности, что на 18,4 % меньше, чем в позапрошлом году. Статистика МВД продолжает фиксировать опережающее снижение доли экономических преступлений в общей преступности (4,2 %). Но в структуре экономических преступлений прогресса незаметно. По сравнению с 2012 г. значительно выросло число преступлений, связанных с изготовлением и оборотом немаркированной продукции (почти в 1,5 раза) и незаконным оборотом драгоценных металлов и камней (рост на 14,1 %). Незначительно увеличилось количество выявленных случаев незаконного

предпринимательства. В результате размеры материального ущерба для страны выросли со 144,8 млрд. р. до почти 230 млрд. (159 %) (табл. 1).

Таблица 1

Динамика выявленных в РФ преступлений экономической направленности, их удельного веса в общем числе зарегистрированных преступлений, а также размеров материального ущерба

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Количество преступлений, тыс.	437,7	489,6	459,2	448,8	428,8	276,4	202,5	173,0	141,2
Удельный вес, %	12,3	12,7	12,8	14,0	14,3	10,5	8,4	7,5	6,4
Материальный ущерб, млрд. р.	1399,6	127,6	223,8	142,5	1075,7	176,4	160,7	144,9	229,7

Составлено по данным: [8].

В 2013 г. наиболее распространенным видом экономических правонарушений стали преступления коррупционной направленности (41,5 тыс. случаев). Их доля в общей структуре экономической преступности достигла 29,4 %, тогда как лидировавшее мошенничество, на которое приходится 24,6 % выявленных экономических преступлений, или 34,7 тыс. случаев, оказалось на втором месте. Стоит отметить, что в 2013 г. было зафиксировано значительно меньше случаев мошенничества, чем в 2012-м, однако такое снижение, вероятно, обусловлено не столько динамикой преступности, сколько изменениями в методике учета. С 2013 г. в данном разделе учитываются только ч. 2-4 ст. 159

УК РФ. На третьем месте - фальшивомонетничество (16,8 тыс. случаев, или 11,9 %) [16].

Что касается экономической преступности в разрезе сфер деятельности, то наиболее распространенными остаются преступления в финансово-кредитной системе (27,9 % от общего числа преступлений). На втором месте - правонарушения на потребительском рынке (16,9 %), на третьем - операции с недвижимостью (6,2 %). Реже всего в минувшем году правоохранительные органы фиксировали преступления в сфере внешнеэкономической деятельности (всего 0,9 %). Однако именно в этой сфере чаще всего - в 72,6 % случаев - преступления совершались в крупном размере или влекли значительный ущерб [16].

Рыночные отношения в российской экономике, заложенные масштабной реформой в последнем десятилетии XX в., складываются в двух плоскостях: в формате действующего законодательства и вне его, квалифицируемого статьями гл. 22, а также гл. 30 УК РФ. В дихотомии между ними действует неправовой сектор экономики, именуемый разными терминами: нелегальная, неформальная, скрытая, черная, серая, параллельная экономика и т.д.

Экономическая наука XIX в. Игнорировала исследования теневых экономических отношений в обществе, считая это неактуальным и маловажным. Хотя необходимо отметить, что первые попытки экономико-математического моделирования преступности были предприняты в конце XVIII в., однако это не оказало никакого влияния на развитие экономической науки.

Наряду с экономистами вопросам теневой экономики стали уделять внимание и социологи. В социологии пристальное изучение экономико-криминологических проблем началось с 1930-х гг., когда американский социолог-криминолог Э. Сатерленд разработал концепцию «беловоротничковой» преступности», согласно которой скрытая противоправная деятельность является органическим компонентом повседневной деловой практики «большого бизнеса» [27].

Значительный вклад в изучение преступности как социально-экономического явления связан с именем знаменитого американского экономиста Г. Беккера. В 1968 г. он опубликовал статью «Преступление и наказание: экономический подход», в которой проанализировал преступность как деятельность рационального индивида, максимизирующего свою выгоду [2].

Перелом в исследовании теневой экономики произошел в начале 1970-х гг., после открытия английским социологом К. Хартом неформального сектора экономики в Африке. Именно Харт и ввел в научный оборот термин «неформальная экономика» [20].

Большой вклад в изучение неформального сектора экономики сделал Э. Файг, который выявил, что рыночные реформы в различных постсоциалистических странах привели к разным результатам в области создания эффективно функционирующей рыночной экономики по причинам, связанным с особенностями предшествующего развития, наличием традиций авторитаризма, коррупционных отношений и т.п. Основным фактором, определяющим успех создания и функционирования эффективной рыночной экономики, Файг считает степень согласованности формальных и неформальных норм: при их рассогласованности создаются сильные стимулы для ухода в нелегальную экономику [18, р. 992].

Также заметный вклад в исследование роли и значения неформальной экономики и теневых экономических отношений в современном рыночном хозяйстве принадлежит перуанскому экономисту Э. де Сото. Основной причиной разрастания городского неформального (теневого) сектора, по его мнению, является бюрократическая заорганизованность, препятствующая свободному развитию конкурентных отношений [15].

Свой вклад в изучение проблем теневой (криминальной) экономики сделали перуанский экономист Г. Ямада [28], который указывает на то, что неформальная экономическая деятельность есть результат добровольного выбора людей, стремящихся получать более высокие доходы; американский социолог А. Портес (Университет Джона Гопкинса, Балтимор) [24].

В статье, написанной им совместно с С. Сассен Куб (Колумбийский университет), на основе обобщения исследований 1970–1980-х гг. делается попытка осмыслить неформальный сектор как феномен, присущий всем современным странам с рыночным типом хозяйства. Д. Мид (Мичиганский государственный университет) и К. Морриссон (Парижский университет) посвятили свои исследования проблеме определения критериев явления, которое принято называть неформальным сектором [23].

В исследовании, проведенном австрийским экономистом Ф. Шнайдером, приводятся данные об уровне теневой экономики в различных странах, а именно: в 27 странах Европейского союза (Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция и Эстония), в 4 европейских странах, не входивших в ЕС на момент исследования (Хорватия, Норвегия, Швейцария и Турция), а также в 5 высокоразвитых неевропейских странах - членах Организации экономического сотрудничества и развития (Австралия, Канада, Япония, Новая Зеландия, США). Также была проанализирована динамика объемов теневой экономики в процентах от ВВП в изучаемых странах за 2003-2012 гг., которая показала ее снижение: в странах ЕС - с 22 до 19 %, в европейских странах, не членах ЕС, - с 23 до 20 %, а самый низкий объем теневой экономики наблюдался в странах ОЭСР (снижение с 13 до 9 %) [26].

Приведем результаты исследования, осуществленного Всемирным банком и Университетом Иоганна Кеплера из Австрийского города Линц. Данные об уровне теневой экономики в доле ВВП в разных странах представлены в табл. 2.

Рейтинг составлен по восходящему принципу. Было исследовано 162 страны. В результате получилось, что в среднем в 1999–2012 гг. доля теневой

экономики составляла 34,5 %. На одном полюсе оказались страны с «тенью» в размере 9–10 % ВВП (США, Швейцария), на другом — 60–70 % ВВП (Грузия, Боливия, Азербайджан). Не очень далеко от него ушли Украина, Беларусь и Россия [25].

Таблица 2

**Рейтинг стран по уровню теневой экономики
в доле ВВП, %**

Место	Страна	1999	2003	2007	2011	Среднее значение
1	США	8,6	8,7	9,1	7,0	8,3
2	Швейцария	8,4	8,4	9,1	8,0	8,5
3	Австрия	9,6	9,8	10,1	7,5	9,2
4	Япония	11,0	11,2	13,2	9,0	11,1
10	Китай	13,0	13,4	14,3	16,0	14,2
13	Франция	14,8	15,4	15,7	13,2	14,7
15	Германия	15,6	15,8	16,7	13,7	15,4
22	Финляндия	17,8	18,5	19,2	19,0	18,6
50	Италия	26,5	27,2	27,4	21,2	25,5
55	Греция	28,9	30,0	31,0	24,3	28,5
57	Кипр	28,9	30,8	31,0	26,0	28,7
130	Россия	45,1	48,8	52,0	50,0	49,0
136	Беларусь	47,9	49,2	53,0	49,8	50,0
145	Украина	51,7	55,0	58,1	54,9	55,0
149	Азербайджан	60,2	62,2	69,6	63,3	63,8
150	Боливия	67,2	66,5	70,7	68,1	68,1
151	Грузия	66,2	68,7	72,5	68,8	69,0

Теневой сектор российской экономики в 2013 г. составил примерно 15 % ВВП РФ. Такую оценку привел министр финансов А. Силуанов: «Если теневой сектор у нас где-то 15 % от экономики, а ВВП у нас где-то 60 трлн. р., то 15 % - это 9 трлн.», - сказал он, отвечая на вопрос о размере недополученных налогов в бюджет. Совокупная налоговая нагрузка на экономику России, по словам министра, составляет 35 %. Таким образом, бюджет РФ недобирает около 3 трлн. р. налогов из-за ухода бизнеса в тень. При этом по НДС, который поступает не в федеральный, а в региональные бюджеты, недобор оценивается министром примерно в 2 трлн. р. [5].

Граничное положение теневой экономики обуславливает ее дуализм в проекции криминального и некриминального поведения. Поэтому теневая экономика, с одной стороны, является объектом пристального внимания и пресечения со стороны правоохранительных органов, а с другой - вызывает тревогу у общества и профессиональный интерес у представителей

экономической, юридической, социологической и других наук, изучающих природу данного явления, его гносеологию, свойства, причины и следствия, среду, в которой экономические преступления, характеризующиеся своей распространенностью, скрытостью и организованностью, получают подпитку.

Поэтому установлению «диагноза» для каждого из видов преступлений экономической направленности должна предшествовать объективная целевая и научно обоснованная классификация и структуризация «болезней» в аспекте ее легитимной, теневой и криминальной составляющих с целью более избирательного воздействия на ее различные сегменты.

На рисунке показана принципиальная схема экономики, структурированная в официальных (правовых) и неофициальных границах. При этом официальная экономика представлена в аспекте, предполагающем возникновение неправовых действий, подпитывающих неофициальный сектор.

В неофициальном секторе свою деятельность ведут официально не зарегистрированные субъекты предпринимательской деятельности: физические лица, неформальные объединения, семейные хозяйства на селе и др. Данная деятельность не запрещена государством, полностью не учитывается и является по сути незаконным предпринимательством:

- осуществляется без официальной регистрации субъекта хозяйствования (правовой подход);
- скрывается от учета (учетно-статистический подход);
- наносит социальный ущерб обществу (социально-этический подход);
- наносит экономический ущерб государству (экономический подход).

Продемонстрированная принципиальная схема дает возможность, на наш взгляд, изучать и анализировать перелив экономических сил из одного сектора в другой (из официального в неофициальный и наоборот), принимать на этой основе правовые, управленческие и организационные меры с целью неуклонного истощения возможностей неофициального сектора для перелива его потенциальной энергии в официальную (легитимную) экономику.

Обзор литературы, посвященной теневой экономике [6; 7; 13; 17; 19; 21; 22 и др.], показал, что наибольшее внимание исследователей и аналитиков привлекают нормативно-правовые пробелы в законодательстве, частота и невысокое качество вносимых в законодательные акты поправок, вызывающих сомнения в искренности и профессионализме их инициаторов, проблема совершенства официального учета и мониторинга, организационно-управленческие пробелы в правоохранительной, судебной и фискальной системах, неразвитость гражданских институтов влияния на теневые отношения.

Особую тревогу вызывает проблема коррупции в ее правовом, общественно-политическом, социально-психологическом и экономическом аспектах [1].

Отдельно необходимо остановиться на коррупционном сегменте официально учитываемой экономики, который характеризуется необоснованно завышенными ценами (расценками) на выполняемые услуги и производимую продукцию. Данный сегмент напрямую связан с деловой и государственной коррупцией, разъедающей основы не только экономической надстройки, но и всего общества. Поэтому речь идет о поиске ответов на следующие вопросы:

1. Какие методические подходы к исследованию коррупции существуют?
2. В чем состоят особенности и причины исторического генезиса и развития коррупции?
3. Представляет ли коррупция собой системное явление и каковы ее место и роль в рамках национальной экономики?
4. Каковы особенности проявления взаимосвязи коррупции и экономической преступности?

В УК РФ 1996 г., в разделе «Преступления в сфере экономики», сгруппировано 57 (69) статей в трех главах: о преступлениях против собственности; о преступлениях в сфере экономической деятельности; о преступлениях против интересов службы в коммерческих организациях. Следует отметить, что за «скобками» остались такие существенные противоправные деяния, как должностные преступления, нецелевое использование государственных средств, незаконная предпринимательская деятельность госслужащих, наркобизнес и др. При этом сфера экономических преступлений постоянно расширяется. Только за последние годы в УК РФ внесено 16 новых статей, что свидетельствует о незавершенности научно обоснованной нормативной базы.

Косвенным подтверждением сказанному является неполнота официального учета экономических преступлений: отсутствие данных в официальных статистических сборниках и разночтения в ведомственном учете. Например, в ГИАУ МВД эти деяния называют «преступления экономической направленности», а в учете судов — «преступления в сфере экономической деятельности».

С точки зрения генезиса коррупции необходимо отметить, что в России, в отличие от любой европейской страны, одной из ее основных причин являлась доминирующая роль государства в экономике. Это подтверждают и работы отечественных ученых.

Так, А.А. Смирнов показывает, что в России роль государства в хозяйственной жизни всегда была значительно выше, чем в любой европейской

стране, и вводит понятие «служебно-раздаточная экономика», которая характеризуется преобладанием раздаточно-сдаточных отношений над отношениями купли-продажи, служебного труда над наемным, финансирования над кредитованием, государственной собственности над частной [14].

С.М. Проява отмечает: «...В условиях ограниченности капитала его альтернативным источником является государственный сектор, а незаконно приобретенные ресурсы могут послужить основой для создания и расширения производства» [12, с. 52].

Современная российская коррупция, с позиций экономического подхода, является наследством плановой системы советского периода, и здесь мы полностью согласимся с исследованиями А.А. Смирнова, из которых делается вывод о том, что коррупция стала закономерным продуктом общественного разделения труда на базе служебно-раздаточной экономики и базой современной системной коррупции, интегрированной во все сферы общества в больших масштабах, что и привело к теневым экономическим отношениям [14].

Существует еще более точная историческая интерпретация коррупции: «Причины подобного развития коррупционных процессов связаны не с тем, что коррупция как феномен свойственна разным социально-экономическим системам, в том числе и передовым странам Запада, а при любых серьезных изменениях, тем более изменениях системного характера, как это произошло при смене общественно-политического строя в России, эти процессы неизбежно усиливаются.

Суть заключается в том, что причины коррупционных отношений в России периода новейшей истории связаны главным образом со спецификой постсоветского периода, когда коррупция стала основным каналом первоначального накопления капитала, связаны с самим способом присвоения государственной собственности» [4, с. 227].

В действующем российском законодательстве и нормативно-правовых актах, направленных на борьбу с коррупцией, последняя определяется как использование лицами, уполномоченными на выполнение государственных и муниципальных функций, своего статуса и связанных с ним возможностей для получения материальных и иных благ и преимуществ, а также противоправное предоставление им этих благ и преимуществ физическими и юридическими лицами. В широком смысле коррупция – это социальное явление, поразившее публичный аппарат управления, выражающееся в разложении власти, умышленном использовании государственными и муниципальными служащими, иными лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего служебного положения, статуса и авторитета занимаемой должности в корыстных целях или в целях получения иной

выгоды. В рамках настоящего исследования уместно привести весьма нелестную характеристику современной бюрократии, данную в послании Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г. и сохраняющую свою актуальность и сегодня: «Государственный аппарат у нас - самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе в конечном итоге народ». Вывод же самый серьезный: сложившаяся система «абсолютно неэффективна и создает одно - коррупцию... порождает массовый правовой нигилизм... вступает в противоречие с Конституцией, тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии» [11].

Осуществление последовательной, целенаправленной и скоординированной политики противодействия коррупции является одной из важнейших задач, и от этого зависит уровень прозрачности реализации экономических интересов как государства, так и предпринимателей.

Коррупционные схемы «откатов» и «распилов» (коррупционные издержки, издержки теневой конкуренции) как проявление экономической преступности, практикующиеся сегодня почти повсеместно в партнерских связках чиновников (отдельных лиц) из госаппарата и бизнеса, в качестве благодатной почвы используют не только государственные заказы, но и государственные программы, федеральные целевые программы. Пресечение и наказание этих преступных деяний осуществляется по факту их обнаружения, т.е. впоследствии. Переход на превентивные технологии «лечения» причин коррупции требует создания специального уголовно-правового раздела в самих программных документах с полным набором мероприятий и механизмов по локализации и ликвидации коррупционных сделок, ожидаемых последствий для потенциального криминалиста. Внедрение такой практики, на наш взгляд, продиктовано жизнью и получит всестороннюю поддержку общества.

В 2012 г. в Забайкальском крае выявлено 596 коррупционных преступлений, что на 45,3 % больше, чем в 2011 г., в том числе фактов взяточничества — 80 и коммерческого подкупа - 14.

Больше всего фактов взяточничества зарегистрировано в правоохранительных и контролирующих органах (57,2 %), сферах образования (31,4 %) и здравоохранения (8,4 %). Выявлено три факта получения взяток в крупном, особо крупном размерах (от 150 тыс. р. и выше). Размер полученных чиновниками незаконных денежных вознаграждений зависел от должностного положения взяточника, периода, в течение которого совершалось преступление, числа полученных вознаграждений, имущественного положения взяткодателей [10].

По данным прокуратуры Республики Бурятия за 2013 г., органами прокуратуры в сфере осуществления надзора за исполнением законодательства о государственной, муниципальной службе и противодействии коррупции выявлено 1 267 нарушений закона. Для их устранения внесено 269 представлений, к дисциплинарной ответственности привлечено 282 должностных лица, принесено 39 протестов, к административной ответственности привлечено 25 должностных лиц, направлено 130 исков в суд, объявлено 1 предостережение о недопустимости нарушений закона, возбуждено 101 уголовное дело по преступлениям коррупционной направленности. В отношении должностных лиц, к которым применяется особый порядок судопроизводства, возбуждено 23 уголовных дела. Судами республики рассмотрено 67 уголовных дел о преступлениях, связанных с проявлениями коррупции. По 47 делам постановлены обвинительные приговоры [9].

Анализ прокурорской и следственной практики показывает, что коррупция наиболее распространена в сферах ЖКХ, строительства, образования и здравоохранения, в агропромышленном комплексе. Часты проявления коррупции при осуществлении чиновниками разрешительных функций, при проведении конкурсов на предоставление в собственность или аренду имущества и земельных участков, при распределении бюджетных средств. Выявлены факты получения и дачи взятки (27), мошенничества (33), служебного подлога (48). При этом количество выявленных граждан, совершивших коррупционные преступления, возросло на 16 %.

Анализ основных видов коррупции показал, что должностные преступления сходны и совершаются как на территории Забайкальского края, так и в Республике Бурятия, и связано это с несовершенством правовой базы, низким уровнем жизни населения, недобросовестным отношением руководителей к своим прямым обязанностям, правовым нигилизмом.

Коррупционный сегмент экономики является полностью деструктивным и связан в том числе с усилением роли государства в экономике, а следовательно, с возможностью перераспределения значительной доли валового внутреннего продукта через бюджеты различных уровней, целевые внебюджетные фонды и пр. Это породило новую категорию злоупотреблений и череду опасных преступных деяний, связанных с формированием, распределением и перераспределением бюджетных ресурсов, осуществляемых, как правило, с использованием фирм-однодневок, под прикрытием легальной предпринимательской деятельности, и ни одно из таких преступлений не обходится без коррупционной составляющей, что еще больше повышает степень разрушительного воздействия рассматриваемого вида преступности.

В этом смысле причины вхождения российской экономики в опасную зону рецессии можно в определенной степени отнести к раздувшемуся «пузырю» теневых отношений и коррупционных схем.

Предупреждение экономической преступности должно быть основано на своевременном выявлении и нейтрализации ее причин и условий и рассматриваться в качестве одного из важнейших направлений предупредительной работы как государственных (правоохранительных и контролирующих) органов, так и негосударственных структур безопасности.

В официальных программных документах, касающихся социально-экономического, инновационного развития, модернизации и т.д., отсутствуют разделы, посвященные научно-экспертному мониторингу экономических преступлений, прогнозу вероятностных девиаций при реализации стратегий, программ, проектов, планов, уголовно-правовым рекомендациям. Если смотреть «правде в глаза» и реально стремиться минимизировать риски и угрозы экономических преступлений в процессе исполнения программных документов (на уровне Федерации, ее субъекта или в муниципалитете), то правовая развертка в механизмах их реализации обязана быть по всем признакам экономической преступности, которая может быть совершена юридическими и физическими лицами, в процессе профессиональной деятельности, под прикрытием законной экономической деятельности, носить корыстный характер, иметь длящееся систематическое развитие, наносить урон экономическим интересам государства, предпринимательства и граждан.

Такой подход к проблеме придаст системность мониторингу и профилактике экономических преступлений, явится стимулирующим мотивом для подготовки соответствующих кадров аналитиков, футурологов, прогнозистов и других категорий на государственной основе.

Bibliography

1. Satarov G.A. (ed.). Antikorruptionnaya politika [Anti-corruption policy]. Moscow, Spas Publ., 2004.
2. Bekker G. Crime and punishment: economic approach. Istoki, 2000, iss. 4, p.p. 28-90. (In Russian).
3. Burov V. Yu. Current problems of shadow economy studies. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law), 2011, no. 3. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=7994>. (In Russian).

4. Dolmatova S.A. Corruption in the context of the initial capital accumulation. Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korrupsitsii i tenevoi ekonomike v Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 6 iyunya 2007 g. [State policy of corruption and the shadow economy counteraction in Russia. All-Russian scientific conference proceedings. Moscow, 6 June, 2007]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2007, p.p. 718–724. (In Russian).
5. Siluanov's interview to the «Echo of Moscow» radio station. Available at: <http://top.rbc.ru/economics/20/06/2013/862716.shtml>. (In Russian).
6. Kireenko A.P., Sanina L.V. Application of program-targeted method for small and medium business state support in the regions of the Siberian Federal District. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy, 2014, no. 4, pp. 117–132. (In Russian).
7. Klimova M.O., Kireenko A.P. Improving taxation of sole proprietors and measures against tax evasion. Region: ekonomika i sotsiologiya = The region: economy and sociology, 2012, no. 1, pp. 142–159. (In Russian).
8. The website of MIA of the Russian Federation. Available at: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (In Russian).
9. According to the press service of the prosecutor's office of the Republic of Buryatia: «On the results of crime counteraction in 2012». Available at: <http://prokuratura-rb.ru/?p=5741>. (In Russian).
10. According to the press service of the prosecutor's office of Trans-Baikal Territory: «On the results of the work of law enforcement organs of the region of the fight against corruption in the Trans-Baikal region». Available at: <http://prokuratura.chita.ru/news/?id=5047>. (In Russian).
11. President D.A. Medvedev's message to the Federal Assembly of the Russian Federation. Rossiiskaya gazeta = Russian Gazzette, 2008, November 6. (In Russian).
12. Proyava S.M. Ekonomizatsiya korrupsitsii [Economization of corruption]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., Zakon i pravo Publ., 2008.
13. Sanina L.V. Ratings assessment of the entrepreneurial climate: international experience. Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law), 2014, no. 5. Available at: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19422>. (In Russian).
14. Smirnov A.A. Gosudarstvennaya politika protivodeistviya tenevoi ekonomike. Avtoref. Doct. Diss. [State policy of the shadow economy counteraction. Doct. Diss. Thesis]. St. Petersburg, 2002.
15. Soto E. de. Inoi put'. Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire [The other way. Invisible Revolution in the Third World]. Moscow, Catallaxy Publ., 1995.

16. Statistics of economic crimes in 2013 (according to figures from the MIA of Russian Federation). Available at: <https://mvd.ru>. (In Russian).
17. Maiburov I.A., Kireenko A.P., Ivanov Yu.B. (eds). *Uklonenie ot uplaty nalogov: problemy i resheniya* [Tax evasion: problems and solutions]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2013.
18. Feige E.L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach / E.L. Feige // *World Development*. 1990. Vol. 18, № 7. P. 989-1002.
19. Grossman G. The «Second Economy» of the USSR / G. Grossman // *Problems of Communism*. 1977. Sept. Oct. P. 25-40.
20. Hart K. Informal urban income opportunities and urban employment in Ghana / K. Hart // *Journal of Modern African Studies*. 1973. Vol. 11, № 3. P. 61-89.
21. Hellman J.S. Measuring Governance Corruption and State Capture. How Firms and Bureaucrats Shape the Business Environment in Transition Economies / J.S. Hellman, G. Jones, D. Kaufmann, M. Schankerman // *Policy Research Working Paper 2312*. EBRD and the World Bank. 2000. Apr. P. 19.
22. Hellman J.S. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition / J.S. Hellman, G. Jones, D. Kaufmann // *World Bank Policy Research Working Paper*. 2000. Sept. P. 2.
23. Mead D.C. The Informal Sector Elephant / D.C. Mead, C. Morrisson // *World Development*. 1996. Vol. 24, № 10. P. 1611–1619.
24. Portes A. Making It Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies / A. Portes, S. Sassen-Koob // *American Journal of Sociology*. 1987. Vol. 38, № 1. P. 30-58.
25. Schneider F. Shadow Economies All over the World New Estimates for 162 Countries from 1999 to 2007 [Electronic resource] / F. Schneider, A. Buehn, C.E. Montenegro ; The World Bank Development Research Group Poverty and Inequality Team; Europe and Central Asia Region Human Development Economics Unit. — Mode of access: http://www-wds.worldbank.org/servlet/WDSContentServer/WDSP/IB/2010/10/14/000158349_20101014160704/Rendared/PDF/WPS5356.pdf.
26. Schneider F. Size and Development of the Shadow Economy of 31 European and 5 other OECD Countries from 2003 to 2012: Some New Facts / F. Schneider. Johannes Kepler University, 2012.
27. Sutherland E.H. *White Collar Crime* / E.H. Sutherland; forew. by D.R. Cressey. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1983.
28. Yamada G. Urban Informal Employment and Self-Employment in Developing Countries. Theory and Evidence / G. Yamada // *Economic Development and Cultural Change*. 1996. Vol. 44, № 2. P. 289-313.